

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СФЕРЕ БОРЬБЫ С ДЕЗИНФОРМАЦИЕЙ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Алферова Е.В.¹, Иванова А.П.²

Ключевые слова: информационное право, Интернет, право на информацию, онлайн-платформа, право свободы выражения мнения, фальшивая информация, фейк, дипфейк, диффамация.

Аннотация

Цель работы: исследование понятия дезинформации в Интернете, установление причин её появления и развития, разработка возможных вариантов борьбы с распространением фальшивой информации.

Методы исследования: системный анализ понятийного аппарата и содержания предмета исследования, сравнительно-правовой и формально-юридический методы.

Результаты: раскрыты понятия социальных сетей, фейковых новостей и дипфейков; проанализированы ключевые причины бесконтрольного распространения фальшивой информации в Интернете и выявлены основные угрозы, которые такое распространение несет для общественной и государственной безопасности; исследовано соотношение и взаимовлияние права на свободу мысли, слова, права на достоинство и права на достоверную информацию; рассмотрены основные позиции правоведов и практикующих юристов относительно решения проблемы дезинформации в Интернете; сделан вывод о том, что наилучшим способом борьбы с дезинформацией и диффамацией является применение комплексных законодательных, технических и образовательных мер, сочетающих в себе как введение обязанностей социальных сетей по модерации контента, так и повышение медиаграмотности населения и технологическое просвещение граждан.

EDN: IGNJTU

Введение

Создание и развитие информационных технологий, а затем и появление социальных сетей буквально произвели революцию в человеческом общении, привнося в него множество преимуществ. Этому способствовало право свободно искать, получать и распространять информацию, закрепленное в ст. 19 Всеобщей декларации прав человека и в ч. 4 ст. 29 Конституции РФ. На сегодняшний день право на информацию и другие новые информационные права предусмотрены всеми крупными государствами мира [8]. Вместе с тем беспокойство общественности по поводу распространения недостоверной фальшивой информации и новостей в медиапространстве также возросло за последнее десятилетие. Популярны крупные социальные сети пытаются бороться с ложной информацией, вводящей пользователей в заблуждение [16].

Дезинформация в медиа

Понятие фейковых новостей можно определить как фактически ложный или грубо вводящий в заблуждение контент, который в подавляющем большинстве случаев предназначен для того, чтобы поколебать или укрепить чье-либо мнение по определенной теме [16]. Повсеместное распространение этого типа информации в сети Интернет представляет собой растущую угрозу, которая требует внимания, прежде чем она станет неотличимой от истинной информации как по внешнему виду, так и по популярности.

Пользователи Интернета могут свободно обмениваться личной информацией и фотографиями, делиться идеями и повышать свою осведомленность о жизни общества, интересоваться политическими и криминальными событиями и другими важными для них вопросами, даже если они не связаны с каким-либо СМИ.

¹ Алферова Елена Васильевна, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник и заведующий отделом правоведения Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация.

E-mail: ealf@list.ru

² Иванова Ангелина Петровна, младший научный сотрудник отдела правоведения Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация.

E-mail: angelina64292@gmail.com

В результате этого свобода выражения мнения получила новые способы реализации и стала доступной для всех. Вместе с тем люди также обрели возможность неограниченно распространять непроверенные сведения о знакомых и медийных личностях без должной уверенности в *достоверности* [5] этой информации.

Ложные слухи, диффамация и поддельные новостные сюжеты удивительно сильны и опасны, их трудно обратить вспять, они могут иметь серьезные последствия для репутации человека и даже стоить жизни [17]. Так, в 2020 г. наиболее важной проблемой для социальных сетей стало реагирование на безудержное распространение медицинской дезинформации о «пандемии» COVID-19. Рост этой дезинформации в Интернете потребовал принятия более строгих мер по мониторингу, сообщению и пресечению распространения дезинформации, особенно в случаях, когда продвижение неточного контента могло привести к причинению вреда жизни и здоровью отдельных лиц [20].

Фальшивые новости по общему правилу быстро распространяются и нередко завоевывают доверие, а подчас вызывают эмоциональное потрясение людей, как в случае распространения в западных и украинских СМИ дискредитирующей российскую армию заведомо ложной информации о трагедии в Буче. Отчасти это объясняется тем, что читатели не сразу способны понять информационную подделку, безоговорочно или отчасти верят в достоверность описанных фактов [1]. Более того, причиной этому может служить и естественная склонность людей делиться информацией, которая согласуется с их взглядами. Психологи называют это «предвзятостью подтверждения» [10].

Принимая во внимание взаимовлияние пользователей Интернета друг на друга, сведения, в том числе ложные, могут распространяться подобно информационному каскаду. Иными словами, когда всё большее число людей верит в эту «информацию», она может начать казаться правдоподобной.

Социальная сеть — это прежде всего отношения между людьми, использующими информационно-коммуникативные технологии для реализации своих интересов и прав, отношения с провайдерами онлайн-сетей. Эти отношения отражаются на политической, экономической и социально-культурной жизни современного государства и общества, каждого пользователя Интернета. Они постоянно присутствуют в человеческом сознании, влияя на выбор, действия, мысли, чувства и желания людей. Социальные сети фактически формируют правила поведения и влияют на каждый аспект человеческого опыта [17]. Изучение социальных сетей позволяет обеспечивать более глубокое понимание социальной динамики и распространения информации, оказывать воздействие на информационную политику в отношении распространения дезинформации в Интернете.

Дипфейки — новая угроза общественной и государственной безопасности

Особое опасение вызывает стремительно развивающаяся сфера дипфейков. Термин «дипфейк» является относительно новым в лексиконе современного общества и используется для описания убедительно реалистичных фальшивых видеороликов, которые были распространены через социальные сети и новостные СМИ [11]. Дипфейки — это *«видео-подделки, которые заставляют людей делать или говорить то, чего они не делали; они используют своего рода технологию распознавания лиц, чтобы так хорошо скрыть личность, что зрители даже не подвергают сомнению ее истинность»* [18, с. 505].

Принцип создания дипфейка на основе изображения можно описать следующим образом: одна часть алгоритма создает изображения, основываясь на настоящих фотографиях конкретного человека, вступая в своеобразное «соревнование» с другой частью алгоритма, которая, в свою очередь, создает копию с исходным изображением и накладывает его на другое изображение [7]. Подобные видео буквально создают фальшивую реальность, накладывая лицо человека на тело другого или изменяя содержание чьей-либо речи. Применение подобных технологий может использоваться при совершении преступлений.

Одним из доминирующих незаконных видов использования дипфейков является поддельная порнография. Одно из исследований показало, что 96% из более чем 14 тыс. выявленных поддельных видеороликов в Интернете были порнографическими, и все они изображали женщин, часто популярных знаменитостей [18].

Дипфейки также использовались для очернения политических кандидатов и должностных лиц, вплоть до вмешательства в выборы и административные процессы. Как подчеркивают некоторые правоведы, *«дипфейковые технологии вполне могут в будущем стать обычным инструментом в предвыборной гонке в России»* [4, с. 61].

Обеспечение национальной безопасности — еще одна серьезная проблема, связанная с дипфейками. Например, изготовление поддельного видео объявления войны главой государства другому государству может быть воспринято как реальная угроза национальной безопасности. И последующее установление факта поддельности этого видео может опоздать и не позволит избежать серьезных последствий. Подобные технологии, считают ученые, могут стать «ящиком Пандоры», способным привести человечество к катастрофическим последствиям. При этом они будут только совершенствоваться со временем, а контент, который они создают, будет становиться лишь более реалистичным [15].

Борьба с фейковыми новостями: патерналистская и адаптивная парадигмы

Несмотря на то, что правовые системы современных государств предоставляют пострадавшим от фальшивых новостей некоторые средства юридической защиты (например, деликтные иски, включая иски о нарушении права на неприкосновенность частной жизни), на деле борьбу с фейками вряд ли можно назвать эффективной.

В юридическом сообществе предлагались и предлагаются разные способы минимизации угроз, исходящих от фальшивых новостей. В целях устранения рисков бесконтрольного распространения фейков правоведами предлагается рассматривать действия алгоритмов как действия компаний — владельцев социальных сетей. Крупные социальные сети несут ответственность за вред, причиненный таким контентом. Однако подобные юридические решения оцениваются неоднозначно и, по мнению довольно значительной части пользователей, представляются *«чрезмерно всеобъемлющими, создающими препятствия для свободы слова, общественных дискуссий в Интернете»* [14, с. 837].

Кроме того, учеными высказываются предложения о повышении медиаграмотности населения посредством реформ информационного образования, технологического просвещения граждан, а также поощрения поставщиков интерактивных компьютерных услуг к обеспечению политически и социально-нейтральной модерации контента и подтверждения надежности новостных агентств путем лицензирования журналистов [16].

Среди иных вариантов предлагается установление обязанности социальных сетей нанимать сторонних лицензированных специалистов по проверке фактов для оценки достоверности контента, который размещают пользователи. Как только указанные специалисты определяют, что некоторая информация обоснованно подвергается сомнению, платформа под угрозой наложения санкций будет обязана пометить контент как спорный или вводящий в заблуждение [16].

Другие ученые и эксперты, в свою очередь, фокусируют внимание на стадии проектирования платформ социальных сетей [17]. В последние годы все шире используются *технологические решения* [5, 6] для предотвращения вреда, причиняемого свободным потоком информации. Архитектура онлайн-платформ, а именно то, как они спроектированы, может предполагать создание структур для предотвращения причинения вреда и формирования правильного отношения к нарушениям закона и норм, а также для продвижения важных для общества и государства ценностей.

Индивиды действуют в социальном контексте, и их поведение зависит от их окружения. Ценности могут быть «встроены» в технологическую структуру, предлагая эффективные средства *контроля* [5, 6]. Любое решение в проектировании платформы влияет на контекст социальной сети и динамику межличностных отношений между пользователями. Компании могут

влиять на решения пользователей о создании и распространении контента посредством выбранной ими архитектуры. Всего несколько изменений в дизайне платформы могут существенно повлиять на то, как она используется, и, следовательно, на ее потенциал для широкого распространения идей [17].

Дизайн и код платформы обладают многообещающим потенциалом для защиты личной репутации от ущерба. Фактически, те же технологии, стратегии и принципы, которые используются платформами для содействия распространению контента, могут быть использованы для уменьшения вреда, причиняемого распространением лжи. Например, всякий раз, когда пользователь социальных сетей нажимает кнопки «опубликовать», «поделиться» или «ретвитнуть», социальная сеть может предупреждать его о рисках и последствиях распространения контента («Вы уверены, что не пожалеете, что поделились этим?» или «Может ли этот контент причинить вред третьей стороне?»). Публикация может быть отложена до тех пор, пока пользователь не подтвердит, что он осознанно делится данным контентом. Как показывают исследования в соответствующем контексте, эта стратегия, вероятно, заставит пользователей усвоить тот факт, что распространение контента может нанести *вред*, и тем самым способствовать воспитанию вежливости и обходительности [17].

Другим решением может стать наложение на платформы обязанности разработать эффективные методы удаления вредоносного контента, распространяемого с помощью кнопок «опубликовать», «поделиться» и «ретвитнуть», т. е. создать код, позволяющий эффективно предупреждать и удалять ложные данные из каждого профиля, где они были опубликованы постфактум [17].

Все же наиболее удачным вариантом борьбы с дезинформацией представляются комплексные меры [3], сочетающие в себе как патерналистскую, так и адаптивную парадигмы, где *патерналистская* отводит лидирующую роль органам власти, оставляя общество ведомым, а *адаптивная* значительную часть функций перекладывает на провайдеров сетей и граждан, позволяя государству лишь определять контуры онлайн-практик. То есть важным представляется грамотное и продуманное введение обязанностей социальных сетей по проверке и ограничению недостоверного контента в сочетании с повышением уровня общественной медиаграмотности [2].

Свобода мысли и слова — лицевая сторона медали

Вместе с тем при исследовании вопроса о дезинформации в Интернете нельзя не обратить внимание на лицевую сторону медали — право на свободу мысли и слова. Автоматизированная модерация незаконного и вредоносного контента в Интернете подвергается дополнительному регулированию со стороны онлайн-платформ во многих странах мира. Однако она вступа-

ет в противоречие с опасениями по поводу его влияния на свободу выражения мнений пользователей. В связи с этим законодательство призвано заполнить важный пробел в решении вопроса о широких пределах усмотрения, которыми пользуются поставщики посреднических услуг в своих договорных отношениях с пользователями. Эти соглашения призваны регулировать ручную и автоматизированную модерацию незаконного и вредоносного контента в Интернете [19].

Крупные онлайн-платформы сегодня обладают огромной властью в онлайн-пространстве. Кроме того, они имеют технические возможности исключать противоправный контент из *киберпространства* [5]. Однако, как замечают некоторые исследователи, их (автоматизированные) решения об управлении контентом, принимаемые на основе правил и условий самой онлайн-платформы, подрывают свободу выражения мнений, особенно там, где в конечном итоге подавляются выступления, представляющие важный общественный интерес. Действительно, эти системы модерации контента подвергались критике за их чрезмерно расплывчатые правила работы, непоследовательное правоприменение и чрезмерную зависимость от автоматизации. Поэтому, чтобы лучше защищать, с одной стороны, свободу выражения мнений в Интернете, с другой — исключить дезинформацию, оскорбительные речи и др., международные органы по правам человека утверждают, что платформы «должны напрямую включать» в правила пользования Интернетом принципы и нормы, закрепленные в Билле о правах человека и национальных конституциях³. Следует заметить, что платформы до недавнего времени не имели четкого обязательства включать основные права в свои правила. Однако, например, ст. 14 Закона о цифровых услугах⁴ устанавливает новые правила о том, как платформы могут обеспечивать соблюдение своих правил и «должным образом учитывать основные права» пользователей [19].

Но следовать нормам законов и решениям судов владельцы онлайн-платформы не всегда спешат, у них есть свои коммерческие интересы. Так, немецкие суды с неохотой устанавливают обязательства платформ, основанных на правах человека. Эти случаи касались Facebook (продукт компании Meta, которая признана экстремистской организацией в России) и приостановки учетных записей пользователей сети. В последнем случае с июля 2021 г. Федеральный суд Германии обязал Facebook восстановить сообщения, которые он удалил из учетной записи пользователя, на основании своих правил о разжигании ненависти⁵. Суд постановил, что

Facebook, исходя из баланса интересов конфликтующих основных прав, необходимо было заранее проинформировать пользователя о предполагаемой блокировке его аккаунта, сообщить ему причину и предоставить возможность ответить. Изучая эту прецедентную практику, М. Хеннеманн и А. Хелдт пришли к *выводу*, что, несмотря на право крупнейших платформ устанавливать договорные запреты, выходящие за рамки незаконного контента, косвенное горизонтальное применение конституционных прав налагает на эти платформы процедурные обязательства при применении и обеспечении соблюдения их правил к контенту, который в остальном является законным [12].

Следует сказать, что по большей части международное и национальное законодательство оставляет платформам широкие полномочия по установлению и обеспечению соблюдения собственной их политики управления контентом посредством сочетания «внутренних» правил и норм, а также гуманитарных и алгоритмических практик. Эта свобода и те возможности, которые предоставлены платформам, как отмечалось ранее, вызывают нередко резкую критику. В результате со временем со стороны гражданского общества, научных кругов и даже правительств участились призывы к доминированию больших технологий над онлайн-речью. Несмотря на то, что в первые несколько лет своего существования платформы считались защитниками свободы слова по отношению к вмешательству правительства и цензуре, их общественный имидж и восприятие значительно изменились.

В наш век цифровых технологий крупные технологические платформы и их методы управления контентом все чаще рассматриваются как потенциальная угроза свободе выражения мнений и здоровым общественным дебатам. Эта критика включает в себя ряд конкретных и часто противоречивых обвинений. Некоторые авторы критикуют платформы за чрезмерное вмешательство в размещаемую ими информацию, что приводит к чрезмерному удалению и подавлению *законного* контента, полученного, например, от уязвимых групп или политической оппозиции.

Другие критикуют платформы за то, что они слишком мало делают для устранения вредного или откровенно незаконного поведения на своих серверах, таких, например, как распространение дезинформации или разжигание ненависти. Кроме того, поскольку эти платформы являются частными компаниями, их действия, в том числе по управлению содержанием информационных потоков, обусловлены в первую очередь коммерческими интересами и целями. Такие действия редко и, возможно, лишь случайно согласуются с общественными ценностями, даже если большинство крупных технологических платформ явно используют язык общественных интересов или основных прав человека.

Однако существует *неопределенность* [6] в отношении наилучшего подхода к использованию интернет-технологий. С одной стороны, растет осознание огромной роли и влияния определенных платформ

³ Документ ООН A/ HRC/38/35 (6 апреля 2018 г.).

⁴ Regulation (EU) 2022/2065 on a Single Market for Digital Services and Amending Directive 2000/31/EC (Digital Services Act).

⁵ Bundesgerichtshof [BGH] [Federal Court of Justice] Press Release No. 149/2021, On Claims Against the Provider of a Social Network that has Deleted Posts and Blocked Accounts on Charges of "Hate Speech" (July 29, 2021) (discussing cases III ZR 192/20 and III ZR 179/20) [hereinafter Press Release No. 149/2021]; Bundesverfassungsgericht [BVERFG] [Federal Constitutional Court], May 22, 2019.

на онлайн-речи, что имеет негативные последствия для государства и общественных целей. С этой точки зрения необходим регуляторный толчок к повышению роли и ответственности посредников онлайн-контента, поставщиков услуг, таких как платформы, которые находятся в лучшем положении для контроля потока информации по сравнению с правительствами и правоохранительными органами. Государства все чаще склоняются к позиции контроля, передавая ответственность за предварительную и последующую фильтрацию, блокирование и удаление определенных типов незаконного контента непосредственно посредникам [9].

С другой стороны, существует обеспокоенность тем, что неправильный способ регулирующего вмешательства может причинить больше вреда, чем пользы. Поэтому понятно, что этот поворот к «повышенной ответственности» посредников подвергается резкой критике. С точки зрения конституционной законности утверждается, что частные организации не должны выполнять государственные задачи [13].

На наш взгляд, обязательства поставщиков онлайн-услуг — платформ дают возможность оценить более широкий контекст и рамки практики управления контентом, выходящие за пределы индивидуальных решений. Как таковые, они в своей деятельности соответствуют некоторым требованиям, вытекающим из международных стандартов в области прав человека, включая применение к платформам процедурных принципов корпоративной социальной ответственности.

Им предоставлена возможность должным образом учитывать основные права пользователей. Однако режим *системного риска* остается открытым для критики из-за его расплывчатости, широких полномочий платформ, неподверженности «аудиту» и озабоченности по поводу применения международного и национального законодательства. Все эти проблемы в совокупности могут поставить под угрозу эффективное использование этого режима в ущерб основным правам, в том числе праву личности на достоверную информацию и праву на достоинство, исключаящее неуважительное к ней отношение в случае размещения в сети дезинформации или другого противоправного контента.

Заключение

Соблюдение информационных прав человека, борьба с дезинформацией и диффамацией в Интернете представляют собой одни из самых важных проблем современного цифрового общества. Способы создания и распространения фальшивых новостей в сети стремительно развиваются и усложняются, доказательством этому служит появление новой категории фейков — дипфейков. Ввиду этого поиск баланса в правовом регулировании распространения информации в Интернете, создание комплекса эффективных мер для борьбы с фальшивыми новостями остается главной задачей для правовых систем большинства современных государств и крупных социальных онлайн-сетей.

Рецензент: **Терентьева Людмила Вячеславовна**, доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры международного частного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Российская Федерация.

E-mail: terentevamila@mail.ru

Литература

1. Бикбулатова Р.Ш. Специфика фейковых новостей в современном медиапространстве // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 98-7. С. 23—26.
2. Романова Т.А., Соколов Н.И., Колотаев Ю.Ю. Дезинформация (фейковые новости, пропаганда) как угроза стрессоустойчивости: подходы на уровне Евросоюза и Литвы как его члена // Балтийский регион. 2020. Т. 12. № 1. С. 53—67.
3. Иванова А.П. Дезинформация в Интернете: неизбежная реальность? (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4: Государство и право. 2023. № 3. С. 177—188.
4. Киселёв А.С. О необходимости правового регулирования в сфере искусственного интеллекта: дипфейк как угроза национальной безопасности // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Юриспруденция. 2021. № 3. С. 54—64.
5. Ловцов Д.А. Теория защищенности информации в эргасистемах : монография. М. : РГУП, 2021. 276 с. ISBN 978-5-93916-896-0.
6. Ловцов Д.А. Информационная теория эргасистем : монография. М. : РГУП, 2021, 314 с. ISBN 978-5-93916-887-8.
7. Архипцев И.Н., Александров А.Н., Максименко А.В., Озеров К.И. Порнографический дипфейк: вымысел или виртуальная реальность? // Социально-политические науки. 2021. Т. 11. № 1. С. 69—74.
8. Умнова-Конюхова И.А., Алферова Е.В., Алешкова И.А. Цифровое развитие и права человека : монография / Под общ. ред. И.А. Умновой-Конюховой. М. : ИНИОН, 2021. 174 с.
9. Bassini M. Fundamental Rights and Private Enforcement in the Digital Age // European Law Journal. 2019. Vol. 25, No. 2. P. 182—197.

10. Citron D.K. Cyber mobs, disinformation, and death videos: the Internet as it is (and as it should be) // Michigan law review. 2020. Vol. 118, No. 6. P. 1073–1094.
11. Delfino R. Deepfakes on trial: a call to expand the trial judge's gatekeeping role to protect legal proceedings from technological fakery // Hastings Law Journal. 2023. Vol. 74, No. 2. P. 293–348.
12. Hennemann M., Heldt F. (2021) Prozedurale Vermessung: Das Kuratieren kommunikativer Räume durch soziale Netzwerke [Procedural Surveying: Curating Communicative Spaces through Social Networks] // Zeitschrift für Urheber- und Medienrecht. 2021. ZUM 65 (2021) 12.
13. Human Right in the Age of Platform / ed. Rikke Frank Jørgensen. Cambridge & London, 2019. 392 pp.
14. M. Verstraete, J. Bambauer, D. Bambauer, Identifying and countering fake news // Hastings law journal. 2022. Vol. 73, No. 3. P. 821–860.
15. Kocsis E. Deepfakes, shallowfakes and the need for a private right of action // Dickinson law review. 2022. Vol. 126, No. 2. P. 621–650.
16. Latimer J. "I'm concerned about this post": combatting fake news on social media // Seattle journal of technology, environmental & innovation law. 2022. Vol. 12, No. 2. P. 209–231.
17. Lavi M. Publish, share, re-tweet, and repeat // University of Michigan journal of law reform. 2021. Vol. 54, No. 2. P. 441–523.
18. Pesetski A. Deepfakes: a new content category for a digital age // William & Mary bill of rights journal. 2020. Vol. 29, No. 2. P. 503–532.
19. Quintais J.P., Appelman N., Ó Fathaigh R. Using Terms and Conditions to apply Fundamental Rights to Content Moderation // German Law Journal. 2023. Vol. 24, No. 5. P. 881–911.
20. Rutschman A.S. Social media self-regulation and the rise of vaccine misinformation // Journal of Law & Innovation. 2022. Vol. 4, No. 1. P. 25–70.

LEGAL REGULATION IN THE FIELD OF COMBATTING DISINFORMATION ON THE INTERNET

Elena Alferova, Ph.D. (Law), Leading Researcher and Head of the Department of Jurisprudence of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

E-mail: ealf@list.ru

Angelina Ivanova, Junior Researcher at the Department of Jurisprudence of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

E-mail: angelina64292@gmail.com

Keywords: information technology law, Internet, right to information, online platform, right to freedom of expression, false information, fake, deepfake, defamation.

Abstract

Purpose of the paper: studying the concept of disinformation on the Internet, identifying the reasons for its emergence and development, and working out feasible variants of combatting the dissemination of fake information.

Methods of study: system analysis of the conceptual apparatus and content of the subject under study, as well as the comparative legal and formal juridical methods.

Study findings: the concepts of social networks, fake news and deepfakes are explained. The key reasons for uncontrolled dissemination of false information on the Internet are analysed, and the main threats of such dissemination for social and state security are identified. The mutual impact between law and freedom of thought, expression, right to dignity and to reliable information is studied. The main stances of jurists and practical lawyers on solving the problem of disinformation on the Internet are considered. A conclusion is made that the best way to combat disinformation and defamation is using complex legislative, technical and educational measures including the introduction of obligations for social networks to moderate content as well as raising the media literacy and technological awareness of citizens.

References

1. Bikbulatova R.Sh. Spetsifika feikovykh novostei v sovremennom mediaprostranstve. Tendentsii razvitiia nauki i obrazovaniia, 2023, No. 98-7, pp. 23–26.

2. Romanova T.A., Sokolov N.I., Kolotaev Iu.Iu. Dezinformatsiia (feikovyie novosti, propaganda) kak ugroza stressoustoichivosti: podkhody na urovne Evrosoiuzha i Litvy kak ego chlena. Baltiiskii region, 2020, t. 12, No. 1, pp. 53–67.
3. Ivanova A.P. Dezinformatsiia v Internete: neizbezhnaia real'nost'? (Obzor). Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaia i zarubezhnaia literatura, ser. 4: Gosudarstvo i pravo, 2023, No. 3, pp. 177–188.
4. Kiselev A.S. O neobkhodimosti pravovogo regulirovaniia v sfere iskusstvennogo intellekta: dipfeik kak ugroza natsional'noi bezopasnosti. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta, ser. Iurisprudentsiia, 2021, No. 3, pp. 54–64.
5. Lovtsov D.A. Teoriia zashchishchennosti informatsii v ergasistemakh : monografiia. M. : RGUP, 2021. 276 pp. ISBN 978-5-93916-896-0.
6. Lovtsov D.A. Informatsionnaia teoriia ergasistem : monografiia. M. : RGUP, 2021, 314 pp. ISBN 978-5-93916-887-8.
7. Arkhiptsev I.N., Aleksandrov A.N., Maksimenko A.V., Ozerov K.I. Pornograficheskii dipfeik: vymysel ili virtual'naia real'nost'? Sotsial'no-politicheskie nauki, 2021, t. 11, No. 1, pp. 69–74.
8. Umnova-Koniukhova I.A., Alferova E.V., Aleshkova I.A. Tsifrovoe razvitie i prava cheloveka : monografiia. Pod obshch. red. I.A. Umnovoi-Koniukhovoi. M. : INION, 2021. 174 pp.
9. Bassini M. Fundamental Rights and Private Enforcement in the Digital Age. European Law Journal, 2019, Vol. 25, No. 2, pp. 182–197.
10. Citron D.K. Cyber mobs, disinformation, and death videos: the Internet as it is (and as it should be). Michigan law review, 2020, Vol. 118, No. 6, pp. 1073–1094.
11. Delfino R. Deepfakes on trial: a call to expand the trial judge's gatekeeping role to protect legal proceedings from technological fakery. Hastings Law Journal, 2023, Vol. 74, No. 2, pp. 293–348.
12. Hennemann M., Heldt F. (2021) Prozedurale Vermessung: Das Kuratieren kommunikativer Räume durch soziale Netzwerke [Procedural Surveying: Curating Communicative Spaces through Social Networks]. Zeitschrift für Urheber- und Medienrecht, 2021. ZUM 65 (2021) 12.
13. Human Right in the Age of Platform / ed. Rikke Frank Jørgensen. Cambridge & London, 2019. 392 rp.
14. M. Verstraete, J. Bambauer, D. Bambauer, Identifying and countering fake news. Hastings law journal, 2022, Vol. 73, No. 3, pp. 821–860.
15. Kocsis E. Deepfakes, shallowfakes and the need for a private right of action. Dickinson law review, 2022, Vol. 126, No. 2, pp. 621–650.
16. Latimer J. "I'm concerned about this post": combatting fake news on social media. Seattle journal of technology, environmental & innovation law, 2022, Vol. 12, No. 2, pp. 209–231.
17. Lavi M. Publish, share, re-tweet, and repeat. University of Michigan journal of law reform, 2021, Vol. 54, No. 2, pp. 441–523.
18. Pesetski A. Deepfakes: a new content category for a digital age. William & Mary bill of rights journal, 2020, Vol. 29, No. 2, pp. 503–532.
19. Quintais J.P., Appelman N., Ó Fathaigh R. Using Terms and Conditions to apply Fundamental Rights to Content Moderation. German Law Journal, 2023, Vol. 24, No. 5, pp. 881–911.
20. Rutschman A.S. Social media self-regulation and the rise of vaccine misinformation. Journal of Law & Innovation, 2022, Vol. 4, No. 1, pp. 25–70.